

Щербинин Алексей Ефимович

Мои деды, прадеды проживали в Орловской губернии. По воле судьбы наша большая семья в начале прошлого века приехала в Алтайский край и остановилась в с. Пахово Рябухинского района. В Алтай мой дед привез и многочисленную родню. В новом благодатном месте семья быстро обустроилась, завели большое хозяйство на зависть многим, жили в достатке. Но в 1929 году большая семья была раскулачена, и все братья и сестры моего отца были высланы на поселение в Томскую губернию мой дед был выслан в Нарымский край. Мать с детьми осталась в Алтае. Отец мой совершенно безграмотный, но имел золотые руки, мог делать все, наверное поэтому он в Томске устроился работать в цирк и проводил все работы по оформлению. Через несколько лет мать с детьми переехала в Томск к мужу, а затем, когда истек срок на поселение отца, семья переехала в пос. Шушталеп, где жила сестра моего отца. Вот так я оказался в Шушталепе, а поселок по тем временам был большой. Но в 1937 году отец был взят органами НКВД, и семья с ним больше связи не имела. В 50-х годах на мой запрос был прислан, ответ, что отец умер в лагере в 1943 г., но где конкретно, не сказано. Кстати, в 1937 году из пос. Шушталеп было взято 16 человек с ярлыком «враг народа». Семьям, у которых отцы были «враги народа», государство ничего не платило, и нам, пацанам, пришлось устраиваться на работу, а она была в основном на деревоперерабатывающем заводе на правом берегу р. Кондома.

Я свою трудовую деятельность начинал коногоном по доставке сплавляемого и извлеченного из реки леса. Большинство пацанов нашего поселка так начали свою трудовую деятельность и гордились этим. Мы все гордились тем, что нам, 12-14-летним мальчишкам, доверяют общаться с такой умной животной, мы ухаживали за лошадьми, водили их на водопой, расчесывали гривы и т.д., очень к ним привязывались и жалко было с ними расставаться, когда приходилось идти в школу. Мне по семейным материальным обстоятельствам не удалось закончить среднюю школу, но к работе, в том числе и к лошадям, я относился уважительно, по-взрослому.

В 1942 году в пос. Шушталеп прибыли немцы с Поволжья. Неделю они работали на заводе, а на воскресные дни их строем направляли помогать колхозникам с. Шуштепка. И вот в один из таких воскресных дней я должен был их строем довести до Шуштепки, выполнить порученные работы (была уборка урожая) и привести таким же строем обратно. Они разговаривали на своем языке, я их не понимал, не знаю, понимали ли они меня, но после обеда на поле никого не оказалось, так что в Шушталеп я возвращался в одиночестве с поникшей головой и все думал о том, как меня накажут. Об этом стало известно руководителям сельского совета или в районе, и через день меня вызвали в отдел кадров. Я уже приготовился оправдываться. Захожу, у дверей стоят двое мужчин в форме, мгновенно надевают мне наручники и говорят: «Ты

арестован». Погрузили на машину, привезли в Сталинск (Новокузнецк). Судили почему-то не сразу. Затем суд, конвой с овчаркой. Приговор, точно не помню формулировку, кажется, за хищение колхозной собственности, якобы я этому способствовал. Оказывается, органы собирали данные о том, сколько с поля немцы унесли домой картошки в карманах и за пазухой. Я категорически все отрицал, заседаний было несколько, я ничего не подписывал. Но как-то после очередного заседания, где я окончательно отказался подписывать приговор, меня в одном нижнем белье и в носках поместили в холодную камеру, в которой на полу замерзала вода. Сколько я там пробыл, не помню. Но очутился в лазарете. Только когда очнулся, подсчитал, что пролежал без сознания 13 дней. До сих пор мне интересно: наверняка мне в палату приносили что-то поесть, но все съедали те, кто лежал в палате, но вот кусочки сахара-рафинада никто не трогал, их откладывали на мой стульчик, их было тринадцать, так по их числу я узнал, сколько дней нахожусь в лазарете. Затем лечился больше месяца, и опять, а это было уже в начале 1943 года, повели на суд. Все, как у взрослых: наручники, конвой с овчаркой, но состав суда был уже другой. Суд длился несколько минут, я был освобожден здесь же в зале суда на свободу. Да, находясь в застенках дома № 1 по пр. Энтузиастов, я был на волосок от смерти.

Вернувшись домой в пос. Шусталеп, пытался пойти на фронт добровольцем. Но почему-то получал ответ: понадобится, тогда пойдешь на фронт. И только в мае 1943 г. я был призван в ряды Красной Армии. В теплушках от Сталинска до Бердска (Новосибирская область), месяц с небольшим учеба, и рядовым стрелком-десантником еду на запад, на фронт. Подразделение фронтовиков-десантников направляется в распоряжение 3-ей Танковой армии, резерв ставки главнокомандующего под командованием генерал-лейтенанта Рыбалко Л. С., в конце 1943 г. уже маршала. Вот эта 3-я Резервная танковая армия и была брошена на северную часть Курской дуги. «Крещение» - это что-то церковное, какое-то таинство. Здесь же не было таинства, здесь была страшная реальность. Тысячи погибших, тысячи раненых и громадное количество подбитой, разбитой и сожженной техники, конечно, больше всего танков, как наших, так и противника. Громадные площади искореженного металла. После Курской дуги 3-я Танковая армия стала называться «ударной». В составе 1-го Украинского фронта 3-я Ударная танковая армия с боями освобождала территорию своей Родины. Мы не участвовали в освобождении Киева, прошли севернее, но такого зарева от горящего города я нигде больше не видел. Форсирование Днепра, Днестра, освобождение Тернополя, Переяславля-Залесского, и вот я уже в Польше. От Курской дуги до границы постоянно стрелком-десантником на танке. Я не получил ни одной царапины, хотя страшно вспомнить, сколько за это время было потеряно боевых друзей, товарищей, однополчан. Но при освобождении Польши был ранен, и до сих пор в моей груди находятся осколки немецкого снаряда. После 2-месячного лечения в госпитале опять попадаю в распоряжение 3-ей Ударной танковой армии и опять вперед,

на запад. Но, не доходя до Берлина, наше подразделение встало на пополнение, и мне предложили работать в органах МВД. С 1945 по 1949 гг. прослужил на Кавказе, в Сухуми, охранником номерного объекта и на озере Рица был в охране дачи И. В. Сталина.

После демобилизации приехал в пос. Шушталеп, работал на шахте «Малые Шушталепские штольни». В поселке нашел подругу жизни, Кисельникову Клавдию Максимовну, с которой воспитал 4 детей. Проработал в шахте чуть более пяти лет. В результате тяжелой работы в лаве или, может, переохлаждения на фронте у меня отнялись ноги. Только благодаря Кисельникову Александру Максимовичу я попал к лучшему нейрохирургу области, который и поставил меня на ноги. В шахте я уже работать не мог, работал на поверхности. Заработная плата была небольшая, семья росла, необходимо было ее содержать, поэтому вечерами и в выходные дни подрабатывал. Построил себе дом. Помогал строить другим, при моем участии в пос. Шушталеп и Малышев Лог было построено около 20 домов...